

ПРАВО LAW

Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 61–77.

УДК 34.01

DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77

Сохранение человечества как фундаментальное основание права

Айнур Разифович Гильмуллин

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета
Казанского федерального университета,
г. Казань, Россия.

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9842-8587

ResearcherID: H-8573-2018

ScopusID: 57211906682

SPIN-код: 9974-2337

*Статья поступила 16.04.2020, принята к печати 18.11.2020,
доступна online 05.04.2021*

Статья посвящена вопросам правопонимания, а именно генезису права, установлению существенных признаков и закономерностей его возникновения и развития. В ходе анализа учитываются не только научно установленные и практические особенности правовой реальности в историческом либо современном ключе, но и «нажитый» материал антропологии, социологии, философии, биологии и техногуманистики, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследования. В работе рассматриваются выборочные социальные коммуникации, характерные

© Гильмуллин А.Р., 2021

для протообществ, в целях изучения естественных и социальных признаков человека и выявления их влияния на функционирование разума человека. Речь идет о разумном отборе как истинном и объективистском по своему характеру принципе, на основе которого происходили рациональные исключения либо трансформация нежизнеспособных, разрушительных для общественного существования и развития моделей поведения и при помощи которого были созданы величайшие императивы для всего человечества, в дальнейшем получившие свое воплощение в нравственных, религиозных догмах и т.д., а самое главное, обеспечившие сохранение природы человека. Разумный отбор на определенном историческом этапе развития человека свидетельствует, что единственным цивилизованным инструментом сохранения природы человека, способным выступить эффективным и безопасным регулятором, является право, фундированное на сохранении природы человека и реализуемое исключительно в условиях государственного (институционального) регулирования общественных отношений. На основе анализа исторической адаптации человека, а также современных вызовов, продиктованных научно-биотехнологическим прогрессом и проблемами, связанными с гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией человека, отстаивается позиция, согласно которой природа человека, в том числе на современном этапе развития, нуждается в ее защите посредством права.

Ключевые слова: сохранение природы человека, позитивное право, разум, естественное право, правопонимание.

Отсутствие в правовой теории консолидированного, универсального понятия права является не только вечной и неизменной проблемой (Wacks 2012), но и преградой для эффективного построения и функционирования всей правовой системы, в частности процессов законотворчества и судопроизводства, общественно-правовой практики взаимодействия людей в государстве. Этой точки зрения придерживаются многие отечественные исследователи. Так, М.И. Байтин полагает, что «творческое исследование... разносторонних проблем... возможно лишь на основе верного понимания права...» (Байтин 2001: 17). М.Н. Марченко, рассуждая о проблемах правопонимания, констатирует: «...успешное решение их весьма важно не только само по себе как правовая самоценность и самодостаточность, но и в связи с познанием других неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий» (Марченко 2016: 10-11). При этом необходимо отметить, что не все авторы разделяют мнение о необходимости выработки единого понятия права. Например, Е.А. Лукашева, анализируя многочисленные попытки дать определение праву, приходит к выводу, что «единого понятия нет, да и не должно быть» (цит. по: Графский 2003: 10). Важно и то, что помимо ученых-юристов о серьезности проблемы правопонимания говорят и представители высшей судебной инстанции. Председатель Конституционного Суда России (КС РФ) В.Д. Зорькин, делая замечание по поводу российской теории права, подчеркивает: «Задачи суда были бы существенно облегчены, если бы он мог опираться на общепризнанную в теории и практике правовую доктрину, выражающую своего рода *“communis opinio doctorum”* по вопросу о понятии права» (Зорькин 2010). Схожей позиции придерживается и другой судья КС РФ, К.В. Арановский, который

в одном из интервью отметил, что «в конституционном праве есть, кажется, неясности в ориентирах правопонимания» (Арановский 2019).

На наш взгляд, при разработке концепции правопонимания следует не только учитывать имеющиеся в науке теории правопонимания, исследования современных политико-правовых проблем в национальном, международном праве и т.д. (что безусловно необходимо), но также и выявлять закономерности происхождения права. Установление закономерностей возникновения права может способствовать переосмыслению социальной природы, функциональных и аксиологических признаков и принципов права, а также его роли как социального регулятора общественных отношений в решении социальных задач на современном этапе развития цивилизации.

В этой связи мы предполагаем обратиться к фундаментальным истокам возникновения права, а именно на основе фрагментарного анализа ключевых (переломных) событий (как исторических, так и связанных с современными вызовами) попытаемся установить причины и закономерности, послужившие порождению права как формального регулятора социального взаимодействия и разумного средства, способного обеспечить сохранение природы человека. В целях обеспечения полноценного и концептуального разрешения поставленной задачи мы будем опираться на междисциплинарный метод исследования, а именно на материалы антропологии, социологии, философии, а также данные биологии и техногуманистики.

Как известно, человек – это социобиологический элемент бытия, которому для существования, развития и жизнеобеспечения необходимо коммуникативное взаимодействие с себе подобными. Как отмечается в литературе, в процессе «своей адаптации человек меняет среду, и одновременно происходят изменения и общественных отношений людей» (Хрисанфова, Перевозчиков 2005: 208). Именно взаимодействие с людьми позволяет человеку удовлетворить его естественные потребности (интересы). Происхождение такого взаимодействия (как отправной, фундаментальный признак, условие возникновения права) необходимо рассматривать начиная с потестарных отношений индивидов, когда не существовало таких социальных институтов, как семья, государство, религия, закон.

Согласно данным антропологии, уже на ранних стадиях своего развития человек не мог справиться в одиночку с теми вызовами, которые ставила перед ним его среда обитания. Отсутствие помощи при добывании пищи, строительстве крова, обеспечении безопасности, защите детенышей и т. д. означало скорейшее вымирание. Как писал по этому поводу П.А. Кропоткин, «естественно, что среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени» (Кропоткин 1991: 207).

Французский ученый-антрополог Тейяр де Шарден в своей работе «Феномен человека», говоря о наличии разума у неандертальцев, отмечал:

«...деятельность этого разума была в значительной степени сведена к заботам о сохранении существования и о размножении» (Шарден 1987: 163). Действительно, ключевой задачей социальной группы являлось сохранение племени, выживание его участников, продолжение родовых отношений. Лишь при прочной внутриплеменной спайке, самоотверженности, товариществе, честности, чувстве жалости потомство могло прожить целое десятилетие, от рождения до относительной самостоятельности. Кроме того, социальная коммуникация являлась (является) динамической составляющей развития способностей и свойств человека. При этом постоянное контактирование на основе иррациональных чувств с членами племени, таких как стремление к господству, борьба с соперниками за добычу, за самку и т.д., всегда сопровождалось непредсказуемостью, непоследовательностью, где-то откровенной жестокостью, что прямо отражалось на социально-биологическом, эмоционально-психологическом и умственном развитии его участников. В целях благоприятного существования и самосохранения в социальной группе начиналось культивирование постепенного разумного упорядочивания различных моделей поведения: вырабатывались консенсуальные методы решения общих задач; конфронтация среди членов общества, приводящая к их гибели, сводилась к минимуму; дискреционное поведение становилось более ординарным, предсказуемым. Как указывал И. Кант, «сам разум не действует инстинктивно, а нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой» (Кант).

Современные исследователи говорят о том, что «человек – это принципиально незавершенное существо, открытое для мира, возможностей действия, способное и вынужденное делать выбор» (Хасанова 2015: 13). Со временем конкретные общепользные действия и поступки, которые в процессе жизнедеятельности показывали свою результативность, эффективность и безопасность, стали вызывать у людей чувства оправданности и доверия, то есть таким образом происходил разумный отбор (выбор) тех действий и поступков, которые способствовали самосохранению человека. Ч. Дарвин в работе «Происхождение человека и половой отбор» отмечал: «Никакое общество не ужило бы вместе, если б убийство, грабеж, измена и т.д. были распространены между его членами...» (цит. по: Максименко, Павлова 2008: 375).

Так, к примеру, «на заре организации человеческих сообществ с развитием речи все большее, а где-то и решающее значение в борьбе племени за существование стал играть накапливаемый и передаваемый опыт. Объем знаний, умений и навыков, необходимый племени для выживания в борьбе с природой и врагами, неуклонно возрастал. Требовались знания о звездах, реках, болотах, горах, умение лечить раны и болезни, устраивать жилье, ухаживать за младенцами и т.д. Весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый, осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности во всем своем объеме мог становиться достоянием лишь старых людей» (Эфроимсон 1971). В различных сообществах по-разному относились и относятся к представителям

наиболее взрослого контингента, по-разному ценят их жизненный опыт. Можно лишь с уверенностью констатировать, что в тех сообществах, где зашита, оберегание старых людей, а также благодетельство им не были общепринятым правилом, вряд ли могла идти речь о будущем, во всяком случае, они точно оказывались в худшем положении, нежели сообщества, в которых разнообразный опыт, мудрость предков и их бесценные знания непрерывно, из поколения в поколение передавались посредством органической цепочки от старых мужчин и женщин. На основании отношения к старикам как к живой энциклопедии, содержащей объективные сведения о том, как выжить и сохранить все нажитое, а также с учетом того факта, что эти люди, будучи в зрелом возрасте, достойно и мужественно оберегали всех представителей племени, в сообществах на эмоционально-психологическом уровне приобретались наследственные чувства почета, уважения, защиты пожилых людей, оказания им помощи. Р. Фоули отмечал: «Наследственность, несомненно, составляет основной набор правил, с помощью которых вырабатываются поведенческие стратегии» (Фоули 1998: 16). Именно эти положительные эмоции, претерпевшие разумный отбор и мотивированные на утилитарно-прагматическом уровне, прочно закладывались в наследственную массу и в дальнейшем использовались в качестве моральных средств воспитания представителей более молодого поколения, являлись своего рода разумным императивом при выстраивании отношений со старшими.

Ф. Энгельс в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», рассуждая о проблемах семьи и о том, как биологические факторы влияют на социальные, отмечает, что замеченное людьми негативное влияние кровного родства родителей на потомство привело к грандиозному перевороту в системе брачных отношений, суть которого заключалась в замене группового брака парным, притом обязательно экзогамным, не допускающим близкородственного союза. Опираясь на эмпирические эксперименты антропологов, Ф. Энгельс приходит к выводу, что на замену группового брака парным, притом обязательно экзогамным (то есть исключая половую связь между сестрами и братьями), повлияли биологические факторы. В связи с этим Ф. Энгельс подчеркивает: «Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью» (Маркс, Энгельс 1986: 16). Согласно выводам современной эволюционной генетики межгрупповой отбор отвергал племена с кровосмесительными браками и способствовал развитию тех племен, где эти браки табуировались. Вследствие этого происходила реорганизация всего племенного устройства. Исследователи отмечают, что «человек как индивид остается во власти биологических законов» (Яблоков, Юсуфов 1998: 167). Для табуирования кровосмесительного инцеста абсолютно не требовалось проведения каких-либо воспитательно-профилактических мероприятий, включающих указание на абстрактные человеческие чувства и оценки, такие как позорность, распутство, порочность и т.д., поскольку эти явления сами по себе отпадали под влиянием биолого-физиологической адаптации, а разуму

оставалось лишь уяснить эту закономерность и включить ее в ценностный арсенал человеческой памяти как «положительную», то есть способствующую сохранению человеческой природы. Таким образом, биологический фактор, непосредственно воздействуя на внутриплеменные отношения благодаря системе продуцирования человека, продемонстрировал свое колоссальное влияние на разум индивидов, которому оставалось лишь осознать и обобщить эти процессы.

Действительно, социальные процессы, которые зарождались в начале истории развития человека, способствовали раскрытию его биологических особенностей, актуализировали иррациональные установки человека (инстинкты, рефлексy, интуицию и т.д.), однако важно подчеркнуть, что указанные биологические и иррациональные особенности человеческой природы находили свое значение, смысл и оценку, становились объектом мыслительной деятельности только в процессе функционирования разума человека (как главного отличия человека от животных). Именно разуму человека надлежало осмыслить и осознать биологические и иррациональные факторы и определить дальнейшие благоприятные пути жизнедеятельности и развития социума.

На основе вышеприведенных выборочных, селекционных коммуникаций протообществ можно сделать вывод, что для человека как носителя рациональных и биологических свойств был доступен анализ возникающей социально-эмпирической практики, что открывало возможности формирования исходя из принципа разумного отбора безопасных, эффективных, соответствующих его природе моделей поведения. Именно те модели поведения, которые разум определял как «положительные» (безопасные, эффективные), упорядочивающие социальные отношения, то есть обеспечивающие сохранность человеческой природы, со временем становились императивами, которым в будущем надлежало лечь в основу нормативно-правовых предписаний. Как верно отмечает Г.В. Мальцев, «своим существованием право не обязано ни религии, ни морали, ни политике, хотя с ними, если рассматривать их как нормативно-регулятивные системы, оно тесно связано. Правовой способ регуляции общественных отношений имеет собственные основы и свои задачи в обществе...» (Мальцев 2000: 81).

Надо полагать, что появление государства и права также было опосредовано развитием и действием человеческого разума на определенном историческом этапе развития. «Государство и право возникает на достаточно высоком уровне развития общества. Способность общества рационально, т.е. на основе разума, организовать свою жизнь, есть та основа, которая позволяет создать государство и право» (Жуков 2019: 378). Несомненно, политическая организация общества не сложилась в один день, то есть разум человека не мог молниеносно, моментально обеспечить упорядоченное состояние общественным отношениям и создать цивилизованное, правовое государство, которые стало бы выражать и защищать потребности (интересы) человека и общества. Исторический процесс развития политического устройства различных обществ протекал крайне продолжительно и неоднородно, принимал различные формы и осуществлялся различными

методами, сопровождаясь массовым истреблением и угнетением людей, а где-то и уничтожением государственности. В качестве примера можно привести цивилизации Запада и Востока, где политико-правовые процессы становления и развития имели различные исторические особенности и предпосылки, обусловленные в числе прочего природными условиями и географическим положением этих цивилизаций. Оценивая закономерности становления политических форм организации общества, можно сделать вывод о том, что разумный отбор, диалектически вырабатывая все новые формы и основы для обеспечения физического сосуществования и безопасности человека (Гоббс 1991: 109-124), для сохранения природы человека, продолжил свой путь в поиске эффективных и результативных механизмов, которыми и стали государственность и право. На это, в частности, указывает один из разработчиков теории общественного договора, Ж.-Ж. Руссо, который отмечал: «Общественный договор имеет своей целью сохранение договаривающихся» (Руссо 1998: 225). Кроме того, американский философ-либертарианец Роберт Нозик (последователь учений Дж. Локка) в своей работе «Анархия, государство и утопия» (Nozick 1974) вполне обоснованно говорит о том, что человек, изначально находясь в естественном состоянии, то есть в состоянии «естественной анархии», когда отсутствует какое-либо принудительное воздействие со стороны государства, со временем, в целях защиты естественной свободы, переходит из состояния анархии в состояние государственности. В будущем, либо учредив, либо подчинившись вольно/неволью государственной власти, человек в результате развития своего разума и общественных отношений, а также в поисках благоприятных условий для существования (развития) столкнется с новыми вызовами и угрозами для своей безопасности. Эти угрозы будут исходить уже непосредственно от государственной власти и ее установлений, основанных на антидемократических принципах и не соблюдающих интересы и свободы членов общества. Таким образом, следует подчеркнуть, что вместе с появлением государства образуется и право, но только сугубо в позитивистской традиции, а именно как закон, исходящий от власти государства. Право в идейном, сущностном смысле (то есть как отличное от закона явление) изначально не существовало, а вся общественная регуляция основывалась на мононормах (обычаи, религиозные и мифологические веления и т.д.) и законах, исходящих от власти. При этом содержание властных установлений (законов), как отмечал софист Фрасимах, напрямую зависело от того, кто стоит у власти, потому как каждый, кто стоит у власти, принимает законы в свою пользу и объявляет их справедливыми (например, демократы принимают демократические законы, тираны — тиранические и т.д.). Человеческий разум в этот период не претендует на искания метафизических свойств, присущих праву; человеку на данном этапе достаточно того, что общественные отношения регулируются исходя из законов (позитивного права), установленных властью, которая воспринимается как священная и божественная. Следовательно, и законы, исходящие от такой власти, являются верными и справедливыми: «верховную власть, представленную или одним человеком, или неким советом, они почитали как некое зримое

божество» (Гоббс 1989: 277). Впоследствии человек, учредивший государство во главе с неограниченной властью правителя, убедившись в несостоятельности, опасности последствий неограниченной власти, был вынужден начать новый рациональный поиск средств и способов своей защиты с целью обезопасить себя от произвольной власти, игнорирующей его интересы и интересы общества в целом. В результате разумного поиска и выбора наиболее эффективных механизмов противодействия произволу, исходящему от власти правителей, то есть снова по принципу разумного отбора, общество (на примере Древней Греции) в лице представителей древнегреческой философии приходит к одному из весьма эффективных в плане защиты и развития человека инструментарию, противопоставляя положенному (позитивному) закону государства естественное право, понимаемое ими как «предпозитивное», «надзаконное», то есть находящееся выше позитивного закона по всем моральным, юридическим, нравственным и другим признакам, а также способное обеспечить справедливое, основанное на равенстве существование и развитие общества и государства.

Другим, не менее могучим, достижением человеческого разума, инструментом защиты природы человека стали авраамические религии, внесшие исторический и кардинальный по своему масштабу вклад в развитие представлений о сущности и смысле существования человека, что придало общественным отношениям иное, основанное на принципах гуманизма, милосердия и нравственности содержание. Возникновение религий, проповедующих человеколюбие и милосердие, в частности, являлось реакцией на существовавшие в тот исторический период языческие религии с их жестокостями, человеческими жертвоприношениями, распущенностью, убийствами и т.д., что негативно сказывалось на природе человека, ставило под вопрос его сохранение. Все вышесказанное прежде всего следует отнести к христианству. Однако, как пишет В.Н. Жуков, «позднее его взяли на вооружение государство и господствующие классы, поскольку и им христианство давало приемлемую для них модель поведения» (Жуков 2019: 326). Христианство, появившееся как реакция на существующий эксплуататорско-рабовладельческий строй и представшее как религия рабов и вольноотпущенников, очень быстро само превратилось в религию угнетателей, то есть «прежняя религия рабов и бедноты потеряла свою былую оппозиционность и перешла на службу к господствующим классам» (Ковалёв 2002: 797). Как известно, религиозная идеология с ее главным принципом «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» прочно укрепила свое доминирующее положение в Средние века, всячески противясь процессам развития и стараясь сохранить феодальное устройство в государстве.

Тем не менее в Западной Европе в эпоху Нового времени под натиском развития рыночных отношений, частной собственности и т.д. происходит снижение роли христианской религии, являющейся «ядром мировоззрения феодального общества» (Нерсисянц 2004: 118). Наконец, в свете антропоцентризма и рационализма начинается переоценка человека как биосоциального существа, то есть интеллектуальный поиск и утверждение новых стандартов и принципов построения гражданского общества. В целях само-

сохранения своей природы разум человека переосмысливает правовое наследие прошлых времен и разрабатывает такие фундаментальные правовые принципы, как право на жизнь; право на свободу личности, частной собственности, договора, слова; право на судебную защиту; юридическое равенство и законность; презумпция невиновности и т.д. Указанные основополагающие правовые положения становятся императивами, которые постепенно, начиная с XVII в., находят свое выражение в основных актах государств Западной Европы и выступают формальной основой осуществления государственной власти и критериями ее оценки. Понимание перманентности, бесконечности процессов познания человеком мира, самого себя в этот период достигает максимума; происходит переосмысление естественно-правовых учений античных мыслителей о правах и свободах человека, демократических ценностях и т.д., что в целом способствует развитию и укреплению человеческой природы.

Но, пожалуй, особое значение процессы, связанные с укреплением гуманистических ценностей и возрождением естественного права как в теории, так и на практике, получают в середине XX в. «под влиянием разрушительного опыта Второй мировой войны, а также практики тоталитарных режимов СССР и фашистской Германии, убедительно продемонстрировавших те опасности, которые таит в себе легистско-позитивистская модель правовой системы» (Лапаева 2018). Указанный сокрушительный опыт поставил перед мировым сообществом вопрос о необходимости модернизации позитивного права с его приказным, произвольным характером, что находит свое выражение во включении естественно-правовых ценностей в содержание фундаментальных международных документов о правах человека. Таким образом, на определенном историческом этапе развития человека принцип разумного отбора в очередной раз демонстрирует свою бескомпромиссность и указывает на недопустимость произвольных установлений власти, а также на целесообразность включения в содержание позитивного права императивов, обеспечивающих сохранение природы человека.

Несомненно, «ренессанс» естественного права на Западе явился событием, основанием для принципиально иного восприятия права и изменения подхода к нему, рационального переосмысления его роли и места в обществе и государстве. Однако не минуло и столетие, как естественное право с его идеализированным, декларативным и абстрактным характером, основанным на гедонистической, либерально-индивидуалистической идеологии, под натиском лозунгов и призывов о правах человека на сексуальную ориентацию и гендерную идентичность привнесло сначала в социальную, а затем и в правовую практику новые вызовы и споры (в том числе судебные)¹, требующие фундаментальных доктринально-правовых ответов. Как в этой связи справедливо замечает В.Д. Зорькин, «человек, возмнивший себя венцом творения, смотрит на окружающий его мир не как на внутренне связанную с ним среду его обитания, являющуюся условием

¹ (См.: Постановление... № 24-П, 2014).

продолжения человеческого рода, а как на совокупность внешних по отношению к нему средств, которые он может использовать для своего личного благополучия и самореализации» (Зорькин 2019: 20).

Современная международная практика свидетельствует, что вопросы гендерной идентичности и сексуальной ориентации человека приобретают не только общественное, но и политическое звучание. Это получает поддержку со стороны официальных международных институтов, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и Европейский суд по правам человека. Деятельность появившегося в середине XX в. так называемого ЛГБТ-движения, прямо пропагандирующего толерантное отношение к гомосексуальности и выступающего за установление равноправия через законодательное урегулирование всех сфер общественной жизни, со временем принесла свои плоды в борьбе за якобы достижение прав человека, о чем свидетельствует принятая ООН Декларация по проблемам сексуальной ориентации и гендерной идентичности (2008), которая прямо указывает на необходимость соблюдения прав гомосексуалов. Кроме того, на сегодняшний день действует немалое количество иных нормативных актов Совета Европы, которые также регулируют отношения, связанные с гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией, среди них: Рекомендация № 1915 (2010 г.) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности»; Резолюция № 1728 (2010 г.) «Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности»; Рекомендация № 1635 (2003 г.), касающаяся защиты прав лесбиянок и геев в области спорта и т.д. (Кириченко 2010: 102).

Кроме того, исходя из сложившейся в Европейском суде по правам человека практики, специалисты выделяют ряд принципов, регулирующих на территории Европы правовое положение гомосексуалов и транссексуалов в области уголовного, семейного, трудового права, свободы собраний, в частности:

- сексуальные отношения между двумя взрослыми лицами по согласию в частной обстановке не должны рассматриваться как уголовное преступление;
- должна обеспечиваться возможность проведения мирных публичных мероприятий в защиту прав и интересов;
- отношения между двумя лицами одного пола могут признаваться семейной жизнью;
- не должна допускаться дискриминация по признаку сексуальной ориентации в трудовых отношениях и на государственной службе (Кириченко 2010: 19).

Помимо этого, в современный период активно развиваются эволюционные процессы, связанные с научно-биотехнологическим прогрессом, подпитываемые международной научной конкуренцией за глобальное технологическое могущество: «...биотехнологии потенциально несут в себе целый букет серьезных угроз, но угроз незаметных, латентных, не способных сразу же привлечь к себе внимание на политическом уровне» (Никонов 2002; подробнее см.: Фукуяма 2004). Свои опасения по поводу этой тенден-

ции высказывает академик В.С. Степин: «Проблема сохранения личности приобретает в современном мире еще одно, совершенно новое измерение. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир» (Степин 2006: 102). Нельзя не согласиться и с великим физиком Луи де Бройлем, который дал точную и лаконичную оценку вызовам современности, заявив, что единственная проблема заключается в том, сумеет ли человек пережить свои собственные изобретения.

Безусловно, в конечном итоге принятые решения будут погружены в правовую оболочку и приобретут общеобязательный характер для всех, что опять-таки может породить негативные последствия, в том числе правовую неопределенность, социальное напряжение и т.д. Кроме того, на сегодняшний день существует немалое количество различного рода международных актов, унифицирующих деятельность в области биотехнологий; это, прежде всего, «Нюрнбергский кодекс» (1947), содержащий положения, регулирующие проведение опытов над людьми; «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека» (1997), в которой говорится об уважении достоинства человеческой личности, равноправии людей и т.д.; «Конвенция о правах человека и биомедицине» (1996), направленная на недопустимость принудительного медицинского вмешательства; Декларация ООН «О клонировании человека» (2005), содержащая положения о запрете любых форм клонирования людей и т.д. Однако, как и любой иной процесс законодательной регламентации, законодательное регулирование в области биотехнологий должно носить сугубо профессиональный, рациональный (компетентный) характер. Важное значение имеет понимание того, что, прежде чем законодательно ограничивать использование тех или иных научных достижений, эти ограничения следует действительно обосновать – либо путем научных доказательств (опровержений), либо эмпирическими данными, в результате апробации этих достижений на практике. В противном случае может сложиться ситуация, в которой будут нарушены либо ограничены чьи-либо права и законные интересы.

Приведенные выше современные вызовы по своему масштабу, социальной и утилитарной значимости прямо проецируются на содержание общественных отношений, ставят под угрозу природу человека как социобиологического существа. Речь не идет о том, чтобы слепо, то есть ссылаясь на традиционные и духовные ценности, воспротивиться этим процессам, не попытавшись дать им научно обоснованное, рационально-логическое объяснение; напротив, стоит задача осознать, определить, насколько эти вызовы могут повлиять на состояние человеческой природы в настоящем и будущем.

На наш взгляд, в плане рационального осознания, исследования и разрешения всех этих фундаментальных вопросов право не может тихо стоять в стороне и выступать лишь в контексте позитивистской или нормативистской традиции, то есть как форма, система и т.д., которая должна обеспечить формально-логическое и юридико-догматическое

сопровождение и оформление полученных результатов. Право должно стать мерилom, определяющим базисом, оно должно обладать рационально-философским (сущностным), теоретико-методологическим содержанием и четкой позицией по вопросам, связанным с человеческим естеством и его сохранением, основанным на конкретном теоретически выстроенном правопонимании. Именно собственное содержание права должно явиться критерием любого нормативного предписания и установления, дабы обеспечить им именно правовое содержание закона и в конечном итоге принять форму правового закона. Для этого (для определения собственного содержания права и дальнейшей разработки теории правопонимания), как нам видится, необходимо обратиться к его фундаментальным истокам, закономерностям становления права.

Исходя из представленного выше фрагментарного анализа, на наш взгляд, можно сделать следующее заключение. Как показывает процесс разумного отбора, человек на протяжении всей своей истории находился в динамическом состоянии поисков по удовлетворению своих потребностей (интересов), тем самым непрерывно открывал для себя новые модели поведения, устанавливал новые стандарты человеческого общежития и создавал различные общественные институты (семья, государство, религия и право), сущность которых зиждилась в числе прочего на сохранении человеческой природы. Как справедливо указывал Т. Гоббс, «человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством к ее сохранению» (Гоббс 1991: 98). А самое главное, разумный отбор показал, что единственным действенным механизмом и детищем культуры всего человечества, способным обеспечить безопасное существование и развитие человека, является право, основанное на императиве сохранения природы человека и реализуемое в условиях государственного регулирования общественных отношений.

Кроме того, существующие в современной цивилизации вызовы (о некоторых из них шла речь выше), продиктованные научно-технологической революцией, трансформацией социального поведения, ценностных ориентацией и несущие угрозу новых конфликтов, актуализируют потребность в основанной на сохранении природы человека теории правопонимания, которая сможет создать универсальные правовые механизмы и выступить эффективным общественным регулятором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арановский К.В. 2019. Право существует в человеке [интервью с судьей Конституционного Суда РФ Константином Викторовичем Арановским] // Закон. № 12. С. 8-18. URL: <https://igzakon.ru/list?archive=1&type=55&year=2019> (дата обращения: 11.07.2020).

Байтин М.И. 2001. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Саратов. гос. акад. права. 416 с.

Гоббс Т. 1989. Основ философии. Ч. 3. О гражданине // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 270-506.

Гоббс Т. 1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 3-545.

Графский В.Г. 2003. К вопросу о правопонимании: основные концепции права и государства в современной России: (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. № 5. С. 5-33.

Жуков В.Н. 2019. Философия права : учебник для вузов. Москва : Мир философии : Алгоритм. 559 с.

Зорькин В.Д. 2010. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы», проводимой Институтом проблем правоприменения Европейского университета (г. Санкт-Петербург, 15 апреля 2010 г.). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (дата обращения: 11.07.2020).

Зорькин В.Д. 2019. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М. 368 с.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Idea.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).

Кириченко К. (сост.) 2010. Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности / [сост., авт. «Введения» и ст. К. Кириченко]. Москва : Моск. Хельсинк. гр. 104 с.

Ковалёв С.И. 2002. История Рима / под ред. Э.Д. Фролова. Санкт-Петербург : Полигон. 864 с.

Кропоткин П.А. 1991. Этика : Избранные труды. Москва : Политиздат. 496 с.

Лапаева В.В. 2018. Право как фактор снижения антропогенных рисков: с позиций концепции техно-гуманитарного баланса, 17.01.2018. URL: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (дата обращения: 10.04.2019).

Максименко А.А., Павлова А.В. 2008. Солидарный интерес как условие идентичности организационной культуры // Вестник Костромского государственного университета им. А.Н. Некрасова. № 4. С. 371-376. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnyy-interes-kak-uslovie-identichnosti-organizatsionnoy-kultury/viewer> (дата обращения: 11.07.2020).

Мальцев Г.В. 2000. Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. Москва : Изд-во Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. 189 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1986. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. Москва : Политиздат. 639 с.

Марченко М.Н. (отв. ред.) 2016. Современное правопонимание : курс лекций / Ершов В.В. и др. ; отв. ред. М.Н. Марченко. Москва : Норма : ИНФРА-М. 368 с.

Нерсесянц В.С. (ред.) 2004. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма. 944 с.

Никонов А. 2002. Наше постчеловеческое будущее: [Рецензия на кн.: Ф. Фукуяма. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции], 16.11.2002. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nashe-postchelovechesкое-budushhee/> (дата обращения: 11.07.2020).

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре / пер. с фр. Москва : КАНОН-пресс : Кучково поле. 416 с.

Степин В.С. 2006. Философия науки. Общие проблемы : учебник для аспирантов и соискателей учен. степени канд. наук. Москва : Гардарики. 384 с.

Фоули Р. 1998. Еще один неповторимый вид // Антропология : хрестоматия / сост. Т.Е. Россолимо, Л.Б. Рыбалов, И.А. Москвина-Тарханова. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК. С. 14-16.

Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. Москва : АСТ : ЛЮКС. 352 с.

Хасанова Г.Б. 2015. Антропология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 6-е изд., стер. Москва : КноРус. 231 с.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. 2005. Антропология : учебник. 4-е изд. Москва : Изд-во Моск. ун-та : Наука. 400 с.

Шарден П.Т. де 1987. Феномен человека / предисл. и коммен. Б.А. Старостина ; пер. с фр. Н.А. Садовского. Москва : Наука. 240 с.

Эфроимсон В.П. 1971. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека): [арх. 21 декабря 2015] / предисл. Б.Л. Астаурова // Новый мир. № 10. URL: <https://pdfslide.net/documents/-568bd8e11a28ab2034a4fe65.html> (дата обращения: 11.07.2020).

Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. 1998. Эволюционное // Антропология : хрестоматия / сост. Т.Е. Россолимо, Л.Б. Рыбалов, И.А. Москвина-Тарханова. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК. С. 162-170.

Nozick R. 1974. Anarchy, State and Utopia. New York : Basic Books. XVI, 367 p.

Wacks R. 2012. Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory. 3rd ed. Oxford : Oxford Univ. press. 358 p.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Российская газета. 2014. 3 окт.

Ainur R. Gilmullin, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: Gilmullinainur@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9842-8587

ResearcherID: H-8573-2018

ScopusID: 57211906682

SPIN-код: 9974-2337

Article received 16.04.2020, accepted 18.11.2020, available online 05.04.2020

The Preservation of Humanity as Fundamental Foundation of Law

Abstract. The article addresses legal issues, and more specifically, the genesis of law, the establishment of essential features and patterns of its formation and development. The analysis takes into account not only practical and scientifically grounded peculiarities of the legal realm in the historical or modern perspective, but also the “acquired” material of the anthropology, sociology, philosophy; it also takes into account the data of biology and techno-humanistics, which indicates the interdisciplinary nature of the presentation. The paper considers selective social communications characteristic of proto-communities in order to pay attention to the natural and social characteristics of a person and to demonstrate their influence on the functioning of the human mind, namely, the principle of reasonable selection, true and objective in its nature. This principle served as the basis of rational deduction and reduction of non-viable behavior patterns destructive for social existence and development. With the help of the same principle, the greatest imperatives were created for the humanity as a whole, later embodied in moral, religious dogmas, natural law, etc. But most importantly, they ensured preservation of human nature. Some provisions are given that it was reasonable selection at a certain historical stage of human development that showed the law based on preservation of human nature and implemented solely under state (institutional) regulation of public relations as the only civilized instrument for preserving human nature that can act as an effective and safe regulator. Based on the analysis of the historical adaptation of humans, as well as modern challenges set forth by scientific and biotechnological progress and problems associated with gender identity and sexual orientation of a person, the position is defended that human nature, especially at the present stage of its development, needs to be protected precisely through law.

Keywords: Preservation of human nature; positive law; reasonable selection; natural law; legal understanding.

For citation: Gilmullin A.R. *Sokhranenie chelovechestva kak fundamental'noe osnovanie prava* [The Preservation of Humanity as Fundamental Foundation of Law], *Antinomii=Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 61–77. DOI 10.24412/2686-7206-2021-1-61-77 (in Russ.).

References

Aranovsky K.V. *Pravo sushchestvuet v cheloveke* [Law exists in man : interview], *Zakon*, 2019, no. 12, pp. 8-18, available at: <https://igzakon.ru/list?archive=1&type=55&year=2019> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Baytin M.I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [Essence of the right (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)], Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2001, 416 p. (in Russ.).

Chardin P.T. de. *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of man], Moscow, Nauka, 1987, 240 p. (in Russ.).

Efroimson V.P. *Rodoslovnaya al'truizma (etika s pozitsiy evolyutsionnoy genetiki cheloveka)* [Genealogy of altruism (ethics from the standpoint of human evolutionary genetics)], *Novyy mir*, 1971, no. 10, available at: <https://pdfslide.net/documents/-568bd8e11a28ab2034a4fe65.html> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Foley R. *Eshche odin nepovtorimyy vid* [Another unique view], T.E. Rossolimo, L.B. Rybalov, I.A. Moskvina-Tarkhanova (comp.) *Antropologiya : khrestomatiya*, Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii, Voronezh, MODEK, 1998, pp. 14-16. (in Russ.).

Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution], Moscow, AST, LYuKS, 2004, 352 p. (in Russ.).

Grafsky V.G. *K voprosu o pravoponimanii: osnovnye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii* [On the question of legal understanding: the main concepts of law and state in modern Russia], *Gosudarstvo i parvo*, 2003, no. 5, pp. 5-33. (in Russ.).

Hobbes Th. *Leviatan* [The Leviathan], T. Gobbs. *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1991, vol. 2, pp. 3-545. (in Russ.).

Hobbes Th. *Osnov filosofii. Ch. 3. O grazhdanine* [Fundamentals of philosophy. Pt. 3. About the citizen], T. Gobbs. *Sochineniya : v 2 t.*, Moscow, Mysl', 1989, vol. 1, pp. 270-506. (in Russ.).

Kant I. *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* [The idea of universal history in the world-civil plan], available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.Idea.pdf> (accessed April 10, 2019). (in Russ.).

Khasanova G.B. *Antropologiya : ucheb. posobie* [Anthropology: textbook], 6th ed., ster., Moscow, KnoRus, 2015, 231 p. (in Russ.).

Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. *Antropologiya : uchebnik* [Anthropology: textbook], 4th ed., Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Nauka, 2005, 400 p. (in Russ.).

Kirichenko K. (comp.) *Izbrannye resheniya Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Voprosy seksual'noy orientatsii i gendernoy identichnosti* [Selected decisions of the European court of human rights. Questions of sexual orientation and gender identity], Moscow, Moskovskaya Khel'sinskaya gruppa, 2010, 104 p. (in Russ.).

Kovalev S.I. *Istoriya Rima* [History of Rome], St.-Petersburg, Poligon, 2002, 864 p. (in Russ.).

Kropotkin P.A. *Etika : Izbrannye trudy* [Ethics: Selected works], Moscow, Politizdat, 1991, 496 p. (in Russ.).

Lapaveva V.V. *Pravo kak faktor snizheniya antropogennykh riskov: s pozitsiy kontseptsii tekhnogumanitarnogo balansa* [Law as a factor of reducing anthropogenic risks: from the perspective of the concept of techno-humanitarian balance], 17.01.2018, available at: <http://www.igpran.ru/articles/4473/> (accessed April 10, 2019). (in Russ.).

Maksimenko A.A., Pavlova A.V. *Solidarnyy interes kak uslovie identichnosti organizatsionnoy kul'tury* [Solidary interest as a condition of organizational culture identity], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.N. Nekrasova*, 2008, no. 4, pp. 371-376, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnyy-interes-kak-uslovie-identichnosti-organizatsionnoy-kul'tury/viewer> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Maltsev G.V. *Pyat' leksiy o proiskhozhdenii i rannikh formakh prava i gosudarstva* [Five lectures on the origin and early forms of law and the state], Moscow, Izdatel'stvo Rossiyskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2000, 189 p. (in Russ.).

Marchenko M.N. (resp. ed.) *Sovremennoe pravoponimanie : kurs leksiy* [Modern legal understanding: a course of lectures], Moscow, Norma, INFRA-M, 2016, 368 p. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. T. 3. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [Selected works, in 3 vols. Vol. 3. The origin of the family, private property and the state; by F. Engels], Moscow, Politizdat, 1986, 639 p. (in Russ.).

Nersesyants V.S. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy : uchebnik* [History of political and legal doctrines: textbook], 4th ed., rev. and augm., Moscow, Norma, 2004, 944 p. (in Russ.).

Nikonov A. *Nashe postchelovecheskoe budushchee* [Our Posthuman future: book review by F. Fukuyama], 16.11.2002, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/nashe-postchelovecheskoe-budushchee/> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Nozick R. *Anarchy, State and Utopia*, New York, Basic Books, 1974, xvi, 367 p. (in Russ.).

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 sentyabrya 2014 g. № 24-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 1 stat'i 6.21 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh v svyazi s zhaloboy grazhdan N.A. Alekseeva, Ya.N. Evtushenko i D.A. Isakova» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 24-P of September 23, 2014 "On the Case of Checking the Constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N. A. Alekseev, Ya. N. Yevtushenko and D. A. Isakov"], *Rossiyskaya gazeta*, 2014, October 3. (in Russ.).

Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore* [On the social contract], Moscow, KANON-press, Kuchkovo pole, 1998, 416 p. (in Russ.).

Stepin V.S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy : uchebnik* [Philosophy of science. General problems: a textbook], Moscow, Gardariki, 2006, 384 p. (in Russ.).

Wacks R. *Understanding Jurisprudence. An Introduction to Legal Theory*, 3rd ed., Oxford, Oxford Univ. press, 2012, 358 p.

Yablokov A.V., Yusufov A.G. *Evolyutsionnoe* [Evolutionary teaching], *T.E. Rossolimo, L.B. Rybalov, I.A. Moskvina-Tarkhanova (comp.) Antropologiya : khrestomatiya*, Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii, Voronezh, MODEK, 1998, pp. 162-170. (in Russ.).

Zhukov V.N. *Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov* [Philosophy of law: textbook], Moscow, Mir filosofii, Algoritm, 2019, 559 p. (in Russ.).

Zorkin V.D. *Pravo i pravoprimenenie v Rossiyskoy Federatsii: doktrina i praktika* [Law and law enforcement in the Russian Federation: doctrine and practice], available at: <http://www.kstrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=36> (accessed July 11, 2020). (in Russ.).

Zorkin V.D. *Pravo protiv khaosa* [Law against chaos], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Norma, INFRA-M, 2019, 368 p. (in Russ.).